

rēgl. -dzu 'гневаться, злиться' и *rēd-ēt* 'злиться, гневаться, питать злобу к кому-л.' [LVR III, 518]. Семантическая сторона этого сопоставления очевидна, вплоть до полного совпадения лексического значения (отличается лишь категориальное). Никаких препятствий формального плана не обнаруживается. При такой интерпретации форма, вынесенная в заглавие этого этюда, перестает быть изолированной. Мы приходим к выводу о возможности реконструкции для праславянского уровня особой формы **rogъ II*.

Е. Е. Королева
Даугавпилс

К этимологии гнезда *зимогор* в старообрядческих говорах Прибалтики

Традиционно старообрядцы Латвии и Литвы занимались земледелием, а в зимнее время уходили на заработки в города. Мужчин, занимавшихся отхожим промыслом, называли *бурлаками* и *зимогорами*. Одним из видов отходничества был извоз. Лексическое гнездо слов с опорным компонентом *зимогор* в говорах старообрядцев Латвии и Литвы представлено только тремя единицами – *зимогѳр* 'человек, уходящий в город для занятия отхожим промыслом', *зимогѳрничать* 'заниматься отхожим промыслом', *позимогѳрничать* 'посвятить небольшой период времени занятию отхожим промыслом': *Што и ты, как зимагѳр, хатѳл в зиму астаѳся? Так гаварѳли давнѳй, как в зѳработки ѳздили. Зимагѳр гаварѳли и бурлак* (лтш.); *Зимагѳры хѳдзют и зимагѳрничают на фсямѳ свѳту* (лит.); *Зимагѳры капѳют канѳвы* (лит.); *Пазимагѳрничал нѳскалька лет и уѳхал кудѳ-та* (лтш.) [МССГП, 110, 234].

Старообрядцы Эстонии традиционно занимались рыбной ловлей и огородничеством (умели хорошо выращивать лук и огурцы), отхожие промыслы были связаны со строительством, извозом они не занимались. Лексемы из анализируемого гнезда слов в языке старообрядцев Эстонии отсутствуют, и это весьма показательно.

По данным Словаря русских народных говоров, лексема *зимогор* и ее производные с теми же значениями известны в среднерусских и северных говорах, на территориях Верхней и Средней Волги и Урала [СРНГ 11, 280–281]. Но в отличие от языка старообрядцев Прибалтики у этого слова на территории России имеются еще значения с отрицательной коннотацией: 'босяк, бродяга', 'грязный, оборванный хулиган', 'непоседливый, неуравновешенный, безалаберный человек; кутила, мот'. Оно может использоваться просто как бранное слово, что помимо указанных в СРНГ территорий зафиксировано также в говорах Архан-

гельской области [КАОС]: *Кто самый вредный? Зимогор. па́уга (?)*, *перетик*. У нас этих матюко́ф-то не было. Именно с этими пейоративными значениями диалектная лексема *зимогор* использовалась в произведениях русской художественной литературы [ССРЛЯ³ V–VI, 826; СРЯ² I, 611]. В СРНГ дано 13 производных от слова *зимогор*: *зимогорина*. Босьяк, бродяга; *зимогорить*. 1. Уходить на зиму из деревни на заработки; работать временно где-либо; 2. Быть босьяком, бродяжничать; *зимогорище*. 1. Сезонный рабочий, грузчик на Волге, имеющий работу только летом; 2. Босьяк, бродяга; *зимогорко*. Непоседливый ребенок; *зимогорничать*. 1. Ходить на заработки; 2. Быть босьяком, бродяжничать; *зимогорный*. 1. Относящийся к зимогору (в 1-м знач.); 2. Относящийся к зимогорью; *зимогородный*. Относящийся к зимогорью; *зимогорский*. 1. Относящийся к зимогору (в 1-м знач.); 2. *Зимогорская одежда*. Городская одежда; *зимогорство*. Уход крестьян на зиму из деревни на заработки; *зимогорушко*. Непоседливый ребенок; *зимогорье*. Житье зимой на заработках в городе; *зимогорюшек*. Босьяк, бродяга; *зимогорюшка*. Босьяк, бродяга; *зимогорянка* (знач.?). Почти все мотивированы как первым нейтральным значением, так и вторым оценочным значением. Из этого ряда выбиваются две лексемы – *зимогородный* (из-за корня *город*) и *зимогорянка*, значение которого составители словаря не смогли определить.

Однако контекст к этому слову из письма И. И. Срезневского матери от 22 октября 1839 г.: «Для воспоминаний о Валдае я сохраняю в памяти два миленьких личика двух зимогорянок, у которых я купил две вязки баранков» – однозначно подсказывает, что перед нами производное от топонима *Зимогорье* – названия села на окраине нынешнего г. Валдая Новгородской области. Казалось бы, перед нами два гнезда – одно с опорным словом *зимогор*, а второе с опорным словом *Зимогорье* и производным *зимогорянка*. Причем отношения между нарицательным *зимогорье* и собственным *Зимогорье* не очень ясны: на первый взгляд, представляется более естественным считать исходным нарицательное существительное, однако цель данной статьи – доказать, что производящим для всех приведенных слов явилось название села под Валдаем.

Начнем с того, что семантика слова *зимогор* не выводится из составляющих его корней *зима* и *гора*. В СРНГ [11, 280] приводятся несколько версий мотивации этой лексем *зимогор*, *зимогоры*, записанных литераторами и этнографами в XIX – начале XX в.: «мужики, уходящие на зиму на промыслы, главным образом в Сибирь “на прииска” – на горы, откуда и название (проводящие зиму на горах)»; «люди, ютящиеся в немалом числе в Рыбинске и его окрестностях, которые в навигацию еще имеют кое-какой заработок, а зимой только “горе терпят”»; «рабо-

чие-сезонники, которые *зимой “горе горевали”*»; «крестьянин, приехавший на лето в город на заработки, но не имеющий к осени денег на отъезд и *принужденный зимовать в городе* – зимогорить»; «тот, кто *остается зимовать вне Петербурга*: в Шувалове, в Лесном, в Удельной, в Царском, в Тярлеве».

Как видим, расхождения касаются второй части сложного слова: ее мотивируют словами *гора, горе, город*; в последнем случае варианты мотивировок могут быть прямо противоположны: *в городе – вне города*. Но возвести вторую часть *-гор* к корню *горе* или *город* невозможно по фонетическим причинам: отверждение согласного *-р-* и отпадение слога *-од* предположить нельзя. Все это примеры народной этимологии. Следует обратить внимание на то, что первый мотиватор *зима* используется в этих версиях по-разному в зависимости от местных условий: человек зимой или уходит на заработки, или, наоборот, оказывается безработным. Можно думать, что здесь имеет место «приспособление» чужого, принесенного со стороны слова к родной среде.

Перейдем теперь к рассмотрению бытования топонима *Зимогорье*. Малоизвестное сегодня село под Валдаем в свое время было достаточно знаменитым. Сам Валдай знаком русским людям более по песням, в которых упоминается поддужный колокольчик («дар Валдая»), нежели как реальный город в Новгородской области. До недавнего времени считалось, что Валдай существует примерно с XV в., однако в недавно найденной новгородской берестяной грамоте № 740 (20-е – середина 50-х гг. XII в.) уже содержится название *Вьльдаи*. В данном случае, очевидно, имеется в виду местность, прилегающая к Валдайскому озеру [НГБ 1990–1996, 38]. Оба поселения – и Валдай и Зимогорье – стали играть важную роль со времени появления почтовой гоньбы. Это XVI в., времена Ивана Грозного. Село Зимогорье находилось непосредственно на въезде в Валдай на тракте Москва – Новгород. Эта дорога была центральной в России: сначала она называлась Большая Московская дорога, потом Большая Петербургская. С 1851 г. открылось регулярное движение на Николаевской железной дороге, и тракт перестал быть центральным трактом России.

В настоящее время в Зимогорье проживает около 1000 человек. В селе 400 домов, из них 174 дачных. Из коренных жителей осталось всего два человека, но проживают они не в Зимогорье, а в близлежащих населенных пунктах Короцко и Ивантеево. Это люди весьма почтенного возраста. Само село находится на горе, называемой в исторических источниках *Зимней Горой*, однако сейчас эта гора не имеет никакого названия, и даже старожилы о нем не помнят. В исторических источниках, кроме топонима *Зимогорье*, встречается параллельное наименование

Зимнегорье. Жителей же называли *зимогорами*, *зимогорцами*. Получается, что когда не было на горе поселения, она имела название, а когда на горе стали жить люди, гора передала свое название их поселению и необходимость в наименовании самой горы отпала.

Относительно происхождения названия села *Зимогорье* среди местного населения бытует несколько версий, возникших, вероятно, после утраты топонима *Зимняя Гора*. Одна версия уже знакома нам по данным других территорий: *зимой жителям этого села – горе*. Другое объяснение связано с тем, что *зимой на этой горе очень холодно*. Зимогорье, действительно, одна из самых высоких точек около г. Валдая, но и эту этимологию трудно признать убедительной: в словообразовании не отмечается подобного объединения мотивирующих основ в сложении. Село находится на юго-востоке городской территории, поэтому нет основания видеть в прилагательном *зимний* название стороны света, как, например, в архангельских беломорских названиях деревень *Зимняя Золотица* и *Летняя Золотица*. Третье объяснение выводит название *Зимогорье* из якобы существовавшего ранее сочетания *Зеленая Гора*. До заселения это место не использовалось под пашню, а служило только выгоном для скота. Поэтому такое объяснение кажется логичным, типологически близким к нему будет польская *Зелёна Гура*. Но опять-таки в словообразовательном и фонетическом отношении невозможно вывести *Зимогорье* из *Зелёной Горы*.

Наконец, четвертая версия связывает название с обычаем кататься с гор на санках на Масленицу. Тем не менее вряд ли катание с Зимней горы было возможно в стародавние времена, так как гора была очень крутой. Один из ее склонов до сих пор называется *Крутяки*. Зимой санный путь пролегал в объезд по озеру у подножия горы. Если не было раскатанного спуска, то и катание с этой горы было невозможно; скорее всего, катание на Масленицу вошло в обычай позднее, когда был продолжен санный путь с горы и на ней появилось поселение зимогоров. Кстати, по пятой версии именно с этим фактом связывается название *Зимняя Гора*: непреодолимой гора была зимой, она была опознавательным знаком на пути в Валдай, летом же почтовый тракт шел по ней. «В летнее время, а особенно в периоды распутицы, передвижение было утомительно из-за плохого состояния дорог. Современники оставили немало воспоминаний о тяжести путешествий по русским дорогам в летнее, весеннее и осеннее время»⁹. Средневековые путешественники и торговцы предпочитали водный путь и старались только в зимнее время использовать сухопутные дороги. Но, возможно, езда по замерзшему

⁹ Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. I. С. 280.

озеру около Валдая была иногда опасна, прежде всего из-за оттепелей, поэтому существовала потребность в переносе пути с озера на гору и в зимнее время.

Итак, первая проблема – мотивация названия *Зимняя Гора* – может считаться в какой-то мере решенной. Мотивацию ее мы связываем с тем, что гора в зимнее время года возникает на пути езды как непреодолимое препятствие. Вторая проблема – форма топонима. Надо сказать, на Валдайской возвышенности горная тематика в топонимах современного Валдайского района и прилегающих к нему Крестецком и Окуловском районах представлена весьма широко. В Валдайском районе есть деревни, в названиях которых используется мотивация «в лоб»: *Горушки, Гórки*, в Крестецком районе – деревни *Горушка, Гórка, Гórки, Гористница*, в Окуловском районе – *Горушка, Гóры, Гористовка*. Есть и составные номинации, включающие в качестве второго компонента слово *Гора* и представляющие интерес для типологии топонимов: это название *Образцова Гора* в г. Валдае по имени хозяина, построившего на этой горе дом, названия деревень *Ерёмина Гора, Немчинова Гора*, также содержащие мотивировочный признак принадлежности в первом компоненте. В документах постоянно упоминаются приехавшие в Новгород с торговыми целями «литвин, или немчин, или кто-нибудь иноземец всякой»¹⁰. Мотивировочным признаком могут служить расположенные рядом объекты: название деревни в Крестецком районе *Вильи Горы* (видимо, связано с оз. *Вильё*). Встречаются названия с мотивирующим качественным признаком: д. *Долгие Гóры* в Валдайском районе (кстати, в Валдайском районе есть д. *Долгие Бороды*, где, по преданию, укрывались те, кто не хотел стричь бороды в Петровскую эпоху) и урочище в соседнем Окуловском районе *Крутáя Горá*.

Представлены в топонимиконе Валдайского района дериваты с суффиксальным *-j-*: д. *Зáгорье* и оз. *Защегóрье*, имеющее крутые, обрывистые берега. По-видимому, название озера произведено сложносуффиксальным способом с усечением основы первого компонента из *Защелье* и *Гора*. Уместно вспомнить в данной связи комментарий С. В. Максимова к архангельским топонимам: «Щелье – мыс речной, с оврагом и крутизнами. Особенно богата ими река Мезень и оттого на ней деревни и села: Долгощелье, Белощелье, Конешелье, Зашелье, Палошелье, Устьщелье и проч.»¹¹. Таким образом, структура топонима *Защегорье* важна как наглядный образец, как реально действующая модель словопроизводства, позволяющая образовать *Зимогорье* из *Зимней Горы*.

¹⁰ Цит. по: Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения. С. 254.

¹¹ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 487.

Третья проблема — когда и почему это составное наименование заменилось однословным. Судя по всему, это произошло, когда Зимогорье достигло своего наивысшего расцвета в качестве ямской слободы и топоним стал общественно значимым не только для своего края, но и для жителей всей России, прежде всего Петербурга и Москвы, так как зимогорский ям находился примерно посредине между Москвой и Петербургом. Важное торговое значение имел и путь в Новгород Великий. Так, в XVI в. в Великом Новгороде насчитывалось более 1800 лавок и прочих торговых заведений. На самом торге было так тесно, что лавки приходилось ставить у самой воды на берегу Волхова. Писец, составивший описание торга, зачастую отмечал: «Лавка свалилась в воду». Так же, как и в Москве, для отдельных видов товаров существовали особые рынки¹².

Как же произошло возвышение Зимогорья? Обратимся к свидетельству историков. По сообщению Ю. Н. Поведского¹³, изучившего акты Иверского монастыря, расположенного на одном из островов Валдайского озера к северу от Зимогорья, изгонные книги новгородских ямов, архив Новгородской области, материалы для оценки земельных угодий Валдайского уезда, журнал собеседования со старообрядцами с. Зимогорья и д. Шуи, впервые название яма *Зимогорье* встречается в книге немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», предпринятого в 1630 г. Первый рисунок *Зимогорья* имеется в альбоме австрийского дипломата Августина Мейерберга, проезжавшего с посольством по Большой Московской дороге в 1661–1662 гг.: изображены деревянная церковь с шатровой кровлей и маленькой главкой и расположенные рядом избы. В 1702 г. на *Зимней горе*, на *Зимнегорском яму*, останавливался проездом из Новгорода в Москву Петр I. Ямской слободой это село стало во второй половине XVI в., по приказу Ивана Грозного, в связи с реформой почтовой гоньбы (интересно, что в Крестецком районе сохранилось название населенного пункта *Ямская слобода*). В соответствии с этой реформой население, приписанное к ямской слободе, должно было выставлять из своей среды в ям «охотников», т. е. крестьян, охочих возить на своих лошадях государственных гонцов и грамоты от яма до яма. *Зимогорский* ям был рассчитан на 50 ямских охотников. Из грамот известно, что в 1700 г. одним из устроителей *Зимнегорского* яма был дворянин Петр Никонович Образцов, получивший за свои труды икону с образом Иверской Божьей матери. Напомним, что

¹² Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения. С. 253.

¹³ Поведский Ю. Н. Зимогорье // Валдайское приселье: Историко-краеведческие очерки. Тверь, 1977. С. 89–96.

в Валдае гора, на которой был расположен его дом, называется *Образцовой*. Интересно, что первоначально ям был в самом Валдае, об этом свидетельствуют записи в Изгонной книге новгородских ямов 1576 г.: ям на *Зимней Горе* назван *Ново-Волдайским*, или *Новым* ямом, или *Волдайским Новым* ямом на *Зимней Горе* (ср. происхождение топонима *Новгород*). Однако топонимы с компонентом *новый* быстро выходят из употребления, их сменяет тополексема – ям *Зимнегорье* или *Зимнегорский* ям. В официальной речи, в деловой письменности при опорном существительном *ям*, скорее всего, употреблялось оттопонимическое прилагательное, в устной же речи *Зимогорье* или *Зимнегорье* функционировали как обозначение местности, расположенной вокруг *Зимней Горы*. В разговорной речи с ее аллегровым характером, приводящим к редукции, это официальное название заменилось однословными наименованиями, сначала *Зимнегорье*, а затем *Зимогорье*, которые заимствовались из разговорной речи проезжающими, даже иностранцами: вспомним упоминание *Зимогорья* Олеарием в 1630 г. Подобные факты отмечаются и сейчас при образовании универбов в разговорной речи. Если признать выпадение морфем следствием универбации, то в качестве производящей базы может быть предложено как словосочетание *Зимняя Гора*, так и *Зимнегорский ям*. В любом случае появление универба на месте словосочетания можно объяснить ростом частотности употребления топонима. Не последнюю роль сыграл, по-видимому, межслоговой сингармонизм и благозвучность (сочетание двух сонорных). Важным является звуковое сходство слова *гора* со словами *горе* и *город* (особенно если учесть, что последнее является типичным тополементом), позволившее расширять мотивационные связи лексемы и в дальнейшем развивать новые значения.

Последнее упоминание Валдайского яма встречается в Дозорной книге 1625 г. Вражда между Валдаем и Зимогорьем возникла, по-видимому, из-за того, что зимогоры пользовались землей, принадлежащей государству, и как государственные служащие не только освобождались от налогов, но и получали жалованье, валдайцы же принадлежали Иверскому монастырю, пользовались монастырской землей и находились в кабальных условиях землепользования. Кроме того, в 1754 г. было сделано новое размежевание земель между Валдаем и Зимогорьем, из-за земли возникло кровавое побоище, длившееся три дня и унесшее несколько человеческих жизней.

Наибольшего расцвета Зимогорье достигает в первой половине XIX в., когда было завершено строительство первого русского шоссе Петербург – Москва и резко возросла интенсивность движения по этому шоссе. «К 1844 году село насчитывало уже 218 дворов и уступало по величине только яму Яжелбицкому (238 дворов), в то время как в среднем селе-

ние в Валдайском уезде состояло из 17 дворов»¹⁴. В 1858 г. в Зимогорье проживало 1065 человек, к 1890 г. в связи с регулярным движением поездов по Николаевской железной дороге (в 1851 г.) население сократилось на 30%¹⁵.

Возникает закономерный вопрос: почему же старообрядцы Прибалтики не стали называть *валдайцами* людей, занимающихся отхожим промыслом (вероятнее всего, извозом), хотя в Валдае тоже был ям, при этом более древний и более известный, чем в Зимогорье? Объяснение этому факту можно найти в том, что в Зимогорье и в Яжелбицах – в отличие от других селений Валдайского уезда – проживало достаточное количество староверов, по некоторым сведениям, все жители Зимогорья и Яжелбиц были староверами (доказательством этому, кроме всего прочего, служат старые заброшенные старообрядческие кладбища, сохранившиеся в Зимогорье и Яжелбицах до сих пор). Большая часть зимогорских и яжелбицких ямщиков принадлежала к беспоповскому федосеевскому течению. Известно, что много новгородских старообрядцев из-за гонений перебралось в Прибалтику. По-видимому, связи с Зимогорьем и Яжелбицами сохранялись, так как еще в 1914 г. в Зимогорье проживало более ста человек, последователей федосеевского течения старообрядчества. Поселившиеся в Латгалии старообрядцы были федосеевцами. Исходя из этого, можно предположить их псковско-новгородское происхождение, что подтверждается и архивными данными, приведенными в исследовании А. А. Завариной¹⁶. Исследовательница приходит к выводу о том, что «прослеживаемые черты в материальной культуре русских крестьян Латгалии были характерны в основном для культуры Псковско-Новгородского края и некоторых сопредельных с ним районов Тверской, С.-Петербургской, Смоленской губерний, то есть западнорусского региона»¹⁷.

Особенно важен тот факт, что сам идеолог и основатель этой ветви старообрядчества Феодосий Васильев был родом из Крестцов¹⁸. Крестцы – следующий за Яжелбицами ям на пути к Новгороду.

Таким образом, понятной становится история развития в языке старообрядцев Латвии и Литвы семантики лексемы *зимогор*: 'житель Зим-

¹⁴ Поведский Ю. Н. Зимогорье. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Заварина А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века: Историко-этнографический очерк / АН Латв. ССР. Рига, 1986: Она же. Русское население Латвии. (К истории поселения) // Русские в Латвии. Рига, 2002. С. 10–47.

¹⁷ Заварина А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. С. 239.

¹⁸ Леннгрен Т. Лексика русских старообрядческих говоров (на мат.-ле, собранном в Латгалии и на Житомирщине). Uppsala, 1994. С. 34–35.

ней Горы /Зимнегорья / Зимогорской ямской слободы /Зимогорского яма /Зимогорья → 'охотник – ямщик, получивший землю, освобожденный от оброков и податей, получающий государственное жалованье' → 'ямщик' → 'старообрядец, занимающийся извозом' → 'старообрядец, занимающийся любым отхожим промыслом'. Как видим, в языке старообрядцев Прибалтики эта лексема лишена отрицательной коннотации. Однако в валдайском говоре лексема *зимогор* развивает и другое значение – 'бедняк', а *зимогорьем* называется тот конец деревни, где живут бедняки. По свидетельству научного сотрудника и экскурсовода Музея уездного города и Музея колоколов города Валдая Н. Яковлевой, это значение также было лишено отрицательной коннотации, что объясняется, на ее взгляд, влиянием финского субстрата на духовном уровне, проявляющемся, в частности, в стремлении к нестяжательству, высокой духовности, несмотря на крайнюю бедность. Впрочем, на наш взгляд, эти качества можно объяснить принадлежностью зимогоров к старообрядческой конфессии.

Могут ли все эти значения быть связаны с новгородским ямщиком *зимогором*? Очевидно, могут. Служба ямщиков была очень опасна. В любую погоду они находились в дороге, переживали все невзгоды, связанные с капризами погоды, плохими дорогами и средствами передвижения. «Средневековые пути сообщения были трудны и опасны не только примитивным состоянием дорог и транспорта. Немало забот для путешественников представляли набеги всевозможных разбойных людей с целью ограбления»¹⁹. Сами ездоки тоже могли представлять опасность для ямщиков: «В Петербурге разных чинов люди, нанимая для езды в городе и около города лежащих местах ямщиков и разночинцев с лошадьми, ездят так скоро, что лошади падают, а если извозчик скоро не поедет, то ездок сам и люди его немилостиво бьют извозчика и по другим дорогам берут подводы лишние против написанного в подорожных»²⁰. Различные неблагоприятные условия препятствовали надлежащему исправлению ямской повинности; правительство принимало меры к искоренению злоупотреблений, главным образом ограничивая количество подвод для «разного чина людей» и размеры кладей, но ямщики продолжали «брести розно», и приходилось их сыскивать так же, как и беглых крестьян²¹. Таким образом, *зимогоры*, проживающие в *Зимогорье*, могли убегать не только от преследования за веру в Прибалтику, но и от бедности и голода в ближние города, например, в Петербург, и в дальние края. Кроме того, за разного рода нарушения их ссылали в Бо-

¹⁹ Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения. С. 281.

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. 12, т. 23–24. С. 234.

²¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб.. 1904. Т. 41а. С. 664.

ровичи (город в Новгородской обл.) и в Кирилло-Белозерский монастырь. Таким образом, зимогоры рассеялись по всей России. При неблагоприятных обстоятельствах беглые ямщики могли становиться деклассированными элементами, тем более что бежали они в одиночку, без семей. Все это нашло отражение в соответствующих значениях лексемы *зимогор*, развивающихся в других русских говорах. В Прибалтику старообрядцы-зимогоры перебирались семьями, сохраняли там привычный уклад жизни и верность старообрядческой конфессии, встречались там со своими по вере. Это и находит отражение в том, что лексема *зимогор* в этих говорах лишена отрицательной коннотации. По свидетельству старообрядца из Литвы, закончившего филологический факультет Ленинградского университета, редактора старообрядческой газеты, на его памяти староверы в Литве называли *зимогором* человека, вернувшегося после войны на родное пепелище, терпящего горе, лишения, голод и холод, как он выразился, «*горюна*». Однако в литовских говорах на территории Акмянского и Мажейкяйского районов, где были русские деревни, в которых жили в основном православные, *zimagoras* означало 'грязный, неопрятный; никчемный; не имеющий постоянного места жительства'. В развитии пейоративной окраски проявляется оппозиция *свой / чужой*: когда новгородцы-зимогоры переселялись в Прибалтику, в места расселения старообрядцев, они попадали к своим – и отрицательная окраска отсутствует. Во всех остальных случаях они попадали к чужим, культурная оппозиция *свой / чужой* в данном случае отражается в коннотациях и значениях лексемы *зимогор* на разных территориях распространения русских говоров.

Из-за стычек новгородских *зимогоров* с жителями Валдая *зимогор* становится прецедентным именем. По-видимому, испытывали притеснения *зимогоры* и со стороны Иверского монастыря – первенца патриаршего строительства (Успенский собор монастыря строился по приказу Никона с 1656 по 1658 г.)²². По свидетельству С. М. Соловьева, «Иверский монастырь жаловался на ямщиков Зимнегорского яма, которые в числе трех сот напали на монастырских крестьян, убили до смерти шесть человек да ранили»²³. Подтверждение прецедентного характера изучаемого имени можно найти в пьесе П. Н. Семенова (будущего декабриста) «Митюха Валдайский»²⁴, написанной в 1810 г. и являющейся пародией на трагедию В. Озерова «Дмитрий Донской». В пьесе наряду с топонимом *Зимогорье* используется параллельное наименование *Зимнегорьево*. Пьеса не раз успешно ставилась в солдатском театре Измайлов-

²² Ильин М. А. Архитектура // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 182.

²³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 234–235.

²⁴ Русская театральная пародия XIX – начала XX века. М., 1976. С. 45–88.

ского полка в Петербурге. В «Митюхе Валдайском» П. Семенов пародирует условность исторических героев и высокую патриотическую тему «Дмитрия Донского», заменив их дракой валдайских целовальников и зимогорских ямщиков²⁵. Известно, что пародия может быть успешной только в том случае, если она основывается на жизненных фактах, известных всем в обществе, тех фактах, которые у всех на слуху, т. е. на прецедентных именах и событиях.

Два деривата из анализируемого гнезда слов, представленные в СРНГ, *зимогорко* и *зимогорушко* 'непоседливый ребенок' [СРНГ 11, 280–281], не имеют отрицательной коннотации. Их значения основаны на семе подвижности, вечного движения, характерного для жизни ямщиков, и ассоциативно связаны с концептом дороги.

Л. В. Куркина
Москва

К этимологии русского диалектного *хрида*

В словарном составе русских диалектов немало изолированных образований, лишенных очевидных родственных связей. И только этимологический анализ, детальное изучение семантической и словообразовательной структуры слова дает ключ к раскрытию генетических связей слов на глубинном уровне, позволяет внести уточнения в характер отношений отдельных лексем и лексических групп, получивших в историческое время статус самостоятельных и независимых образований. Порой раскрытие внутренней формы, выявление этимологических истоков лексических диалектизмов способствует воссозданию генетического тождества образований в рамках единого этимологического гнезда. Примером может служить редкий русский диалектизм *хрида* / *хрьда*.

На небольшой территории, преимущественно в орловских, курских, калужских говорах, отмечено *хрида* в значении 'человек по неряшеству измокший, загрязнившийся' [Опыт, 250], 'человек грязный, мокрый' [Даль³ 4, 1233]. То же слово в форме *хрьда* 'человек с раскрытой грудью, не застегнутый на пуговицы' встречается в говорах Западной Брянщины [Расторгуев, 279], в этих же говорах находим производные образования: *расхрьдаться* (в диалектной записи *разхрьдацца*) 'не застегнуть платья, воротника, быть с обнаженной грудью, шеей', *разхрьда* 'неряшливый, с незастегнутым воротом', *разхрьданы* 'с растегнутым воротом, с обнаженной шеей и грудью' [Расторгуев, 229]. В СРНГ [34, 305] в качестве синонима к *разхрьда* приводится записанное

²⁵ Русская театральная пародия XIX – начала XX века. С. 770.